

К ИСТОРИИ ИНГУШИИ¹

Е. И. Крупнов

I

В феврале текущего года советская общественность отметила славный юбилей двадцатилетия братского союза коренных и основных насельников Чечено-Ингушской АССР—чеченцев и ингушей.

«Благодаря ленинско-сталинской национальной политике Чечено-Ингушетия прошла за истекшие двадцать лет славный путь своего национального возрождения, политического, хозяйственного и культурного развития»².

С далеких времен чеченцы и ингуши были заперты своими более сильными соседями в лесных и каменистых, малоплодородных горах. Великая Октябрьская революция дала чеченцам и ингушам, как и всем народам СССР, право на самоопределение. Горшам были предоставлены плодородные земли в предгорьях и на плоскости, занятые прежде казаками. Заселение плоскости горцами было столь интенсивно, что в горной Ингушии после 1920 г. осталось всего 13,9 % населения, насчитывавшегося в 1908 г.; в Карачае за 10 лет (1916—1926) из 11 горных аулов на плоскость выселилось 64 % горцев³.

С развитием народного хозяйства повышается и благосостояние масс, увеличивается народонаселение. В 1915 г., например, чеченцев было 271 151, ингушей—59 571 человек; по переписи 1926 г. чеченцев насчитывалось уже 300 тыс., ингушей—75,2 тыс. человек; в настоящее время чеченцев около 330 тыс., а ингушей 82 тыс. человек. Таким образом ингуши составляют почти пятую часть всего коренного населения Чечено-Ингушской АССР.

Земельная площадь, занимаемая современными ингушами, равняется приблизительно 3 200 кв. км.

Узкой полоской в 111 км простирается Ингушия с севера на юг⁴. На севере она граничит с Кабардино-Балкарской АССР и отчасти с районами, входившими в состав ныне Чечено-Ингушской АССР; на юге Кавказский хребет отделяет ее от Грузинской ССР; на западе Ингушия соприкасается с Северо-Осетинской АССР (их разделяет только Военно-Грузин-

¹ В печати и в быту распространено двойное название края, населенного ингушами: «Ингушетия» и «Ингушия». Я лично придерживаюсь второго названия, правильность которого подтверждена авторитетными разъяснениями акад. Н. Я. Марра в 1927 г. См. об этом в «Известиях инг. н.-и. ин-та», Владикавказ, 1928, т. I, стр. 215.

² «Правда», № 34 (7719), от 4 февраля 1939 г.

³ В. П. Х р и с т а н о в и ч—Горная Ингушия, Ростов/Дон, 1928, стр. 61—65.

⁴ Карта Ингушии, Владикавказ, Ингоблзу, 2-е изд., 1928; см. ниже, стр. 79.

ская дорога по ущелью р. Терек)¹; наконец, с востока к Ингушии вплотную примыкают районы, населенные чеченцами.

По характеру поверхности современная Ингушия делится на две части: горную и плоскостную. Множество переходов между ними, подчас едва заметных, создает большое разнообразие поверхности, климата, флоры и фауны даже в недалеком расположенных друг от друга районах².

Чеченцы и ингуши до советского периода были бесписьменными народами и не имели своей писаной истории. В истории соседних народов они также упоминались очень мало. Но свою историю (как и всякий народ) ингуши и чеченцы, конечно, имели—и это была тяжелая история борьбы за существование, за независимость.

Настоящий очерк и является попыткой наметить основные моменты истории ингушей.

II

До последнего времени в Ингушии не найдено ни одного объекта, даже случайной находки, относящейся к эпохе палеолита и неолита.

Древнейшими памятниками, обнаруженными на территории современной Чечено-Ингушской республики, являются памятники эпохи расцвета бронзовой культуры на Северном Кавказе. Обнаружены они, по преимуществу, в равнинной части края и в предгорье.

К эпохе бронзовой культуры относится материал, добытый в 1891 г. местным исследователем В. И. Долбежевым при раскопках большого кургана близ станицы Нестеровской³.

К этой же эпохе, по мнению А. П. Круглова, относится подъемный керамический материал, собранный экспедицией б. ГАИМК в 1934/35 г. на предполагаемом селище, расположенном в устье р. Арм-хи при впадении ее в Терек⁴.

Эпохой бронзы датируются и находки, обнаруженные в нижнем ярусе культурного слоя Алхастинского селища, изучаемого экспедицией Государственного Исторического музея в продолжение двух лет (1937—1938)⁵.

Характер найденной керамики (толстостенная, покрытая мелким гребенчатым орнаментом в «елочку»), а также обнаруженный в культурном слое—в грунте—костяк человека, лежавший вниз лицом, на основании некоторых аналогий⁶, не оставляют сомнения в правильности датировки нижнего слоя селища эпохой бронзы или II тысячелетием до н. э.

Из случайных находок, обнаруженных в Ингушии и относящихся к этой же эпохе, следует отметить каменный полированный топор; он был найден в окрестностях селения Верхний Алкун и передан в Ингушский музей краеведения.

Весь этот материал, сходный с материалом из соседних районов Северного Кавказа⁷, только подкрепляет выводы ленинградских археологов об освоении горных районов Северного Кавказа именно в эпоху бронзы⁸.

Этот этап истории кавказских обществ ленинградские археологи

¹ В 1926 г. район с. Балты, расположенный по левую сторону р. Терека, отошел к Ингушии, причем граница с Северной Осетией прошла здесь по горному хребту.

² А. К. Вильямс — Географический очерк Ингушии. Владикавказ, 1928, стр. 2.

³ ОАК, 1891, стр. 122.

⁴ «Советская археология», 1937, № 3, стр. 245.

⁵ ВДИ 1939 г., № 1, стр. 266.

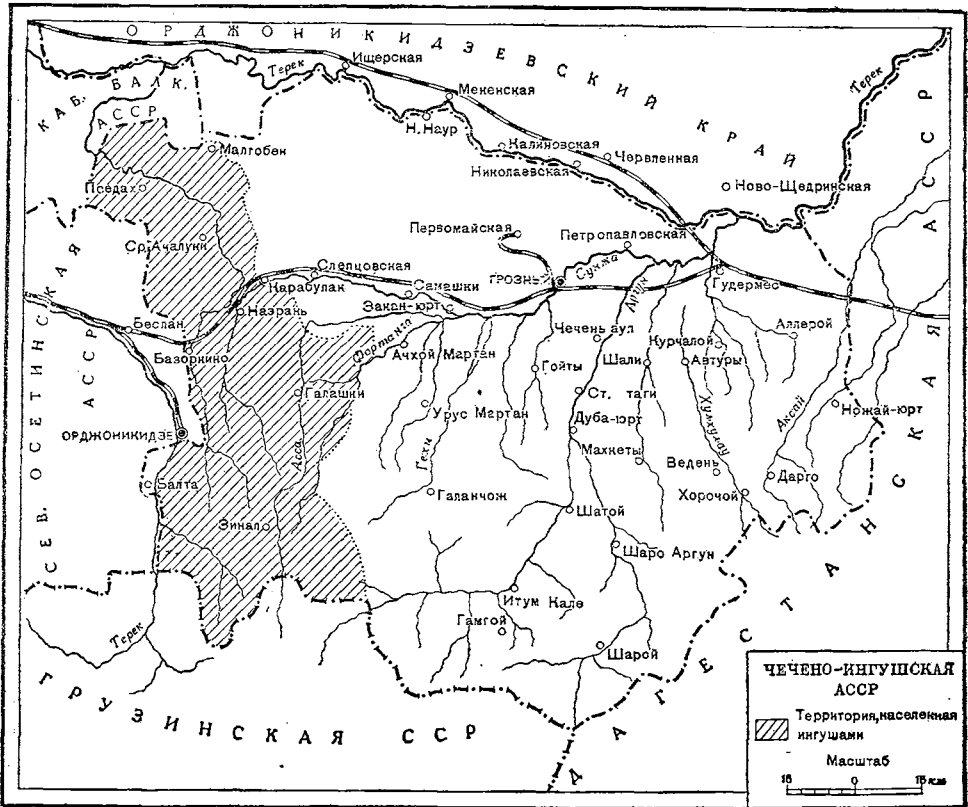
⁶ См. подобный материал из раскопок в урочище «Три брата» Калм. авт. обя., «Советская археология», 1935, в. I, стр. 130.

⁷ См. «Записки Чеч.-Инг. н.-и. Ин-та истории и языка», Грозный, 1938, стр. 5.

⁸ См. «Проблемы истории материальной культуры», ГАИМК, 1933, № 1—2, стр. 49—50.

условно определяют как вторую стадию древней северокавказской культуры, в отличие от ими же установленной первой стадии, представленной на Кавказе Нальчикским курганом и Агубековским поселением¹.

К следующему периоду бытования человека на территории Северного Кавказа вообще и Ингушии в частности, определенному ленинградскими археологами, как третья стадия, относится материал из раскопок В. И. Долбежевым в 1898 г. пяти могил в окрестностях селений Кескем

и Пседах². В этих могилах наряду с железными кинжалами и топорами, близкими к скифской культуре, находился и значительный бронзовый инвентарь, повторявший более поздние типы вещей кобанской культуры I тысячелетия до н. э. (лезвия кинжалов, привески и пр.).

К кобанской культуре относится и бронзовая фигурка оленя, найденная Л. П. Семеновым в развалинах древнего ингушского святилища близ селения Джерах³, и ряд бронзовых предметов из Ассинского ущелья, хранящихся в Музее Грузии⁴ (Тбилиси).

Весьма вероятно, что несколько подкурганых погребений, вскрытых в 1879 г. В. Б. Антоновичем близ селений Назрань и Базоркино⁵ и очень

¹ А. А. Иессен — К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 1935, в. 120, стр. 80—110.

² ОАК, 1898, стр. 157.

³ «Известия Инг. н.-и. ин-та», Владикавказ, 1928, т. I, стр. 195.

⁴ П. С. Уварова—Museum Caucasicum. Тифлис, 1902, в. V, стр. 36.

⁵ «Труды Подготовительного комитета к V Арх. съезду», т. I, стр. 217.

сходных с погребениями у селений Кескем и Пседах, также могут относиться к поздней поре бытования здесь кобанской культуры.

В определенный период существования кобанской культуры на Северном Кавказе, и в частности в Ингушии, возникают новые археологические объекты, отражающие влияние степной скифской культуры. Это—уже упомянутое выше Алхастинское селище и Нестеровский могильник, изучаемые экспедицией Государственного Исторического музея. Алхастинское селище имеет мощный культурный слой (в 1 м), в верхнем ярусе которого было найдено большое количество фрагментов керамики и отдельных предметов, как глиняные штампы, литейная формочка, глиняные головки животных, много поделок из кости и глины и несколько бронзовых мелких вещей. На основании сходства материалов Алхастинского селища и Бельского городища¹ и керамики с материалом Моздокского могильника², Алхастинское селище можно датировать раннескифской эпохой VII-VI вв. до н. э.

Инвентарь погребений Нестеровского могильника характеризуется рядом признаков (бронзовые наконечники трехлопастных стрел, железный кинжал, браслеты, прясла, бусы и керамика), позволяющих отнести могильник к V—IV вв. до н. э. Памятники с подобными признаками известны и из соседних районов республики. Таковы, например, материалы раскопок А. А. Бобринского у селений Алды и Куляры и других мест³. Аналогичные признаки характерны и для грунтового могильника, открытого экспедицией ИИМК и Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и истории у рабочего городка нефтепромыслов Исти-су, в восточной половине республики⁴.

Все перечисленные объекты дают материал, содержащий элементы скифской культуры.

Наблюдаемые явления стыка двух разнотипных культур—горной кобанской и степной скифской—позволяют высказать следующее положение.

В период около середины I тысячелетия до н. э. (VI—IV вв.) носители высокогорной кобанской культуры начинают спускаться с гор на плоскость и осваивать равнинные районы. Основными причинами такого сползания горцев-кобанцев на плоскость могла быть перенаселенность обитаемых ими мест, о чем свидетельствуют густота и многочисленность могильников Северной Осетии (республики, лучше исследованной в этом отношении), а также необходимость обеспечить на круглый год подножным кормом многочисленные стада домашних животных. При стадном скотоводстве обязательность зимовок очевидна.

В эту эпоху в предгорьях Северного Кавказа горцы-переселенцы соприкасаются со степным населением края, с их материальной культурой, сходной со скифской культурой. Это явление можно проследить по могильным инвентарям предгорий Северного Кавказа, содержащих предметы, характерные и для кобанской и для скифской культуры.

С начальных веков нашей эры и кончая временем «переселения народов» на всей территории Северного Кавказа и степной полосы европейской части СССР, по мнению большинства ученых, господствовала единая культура, названная, по ряду данных, сарматской⁵.

¹ В. А. Г о р о д ц о в—Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губ., в 1906 г. «Труды XIV Арх. Съезда» III, стр. 93—161.

² Б. В. Л у н и н—Археологические раскопки 1935 г. «Наука и жизнь», 1936, № 4, стр. 39.

³ ОАК, 1888.

⁴ ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 250.

⁵ См. Ю. В. Г о т ь е — Кто были обитатели В. Салтова, ИГАИМК, 1927, т. V, стр. 75.

Археологические объекты (курганы, могильники, городища) этой эпохи широко известны на Северном Кавказе. Известны они и в районах, соседних с Ингушией¹. На территории же самой Ингушии, если не считать нескольких отдельных предметов² и одного катакомбного погребения, вскрытого на Алхастинском селище экспедицией ГИМ в 1938 г. (в инвентарь входили миски, фибулы, бусы, определяющие время захоронения), памятников этой эпохи пока не обнаружено.

Позднее на всей обширной территории Северного Кавказа, особенно в горной полосе, появляются многочисленные и разнотипные памятники, преимущественно могильники, суммарно датирующиеся, по находимым в них византийским и арабским монетам, эпохой VI—X вв. н. э.³

В отношении этого круга памятников Ингушия не составляет исключения. Эпоха раннего средневековья довольно хорошо представлена различными памятниками как в горной, так и в равнинной полосе Ингушии.

К числу их относятся могилы, вскрытые в 1913 г. Ф. С. Панкратовым близ б.станции Фельдмаршальской⁴, катакомбы, исследованные в 1891 г. В. И. Долбежевым близ селения Гоуст⁵, катакомбное погребение, обнаруженное экспедицией ГИМ в 1937 г., и ряд могильников, состоящих из подземных коллективных склепов—камер и каменных ящиков, обследованных экспедициями Ингушского научно-исследовательского института в 1925—1938 гг. под руководством проф. Л. П. Семенова. Это—могильники горной полосы Ингушии у селений Фуртоуг, Памет, Шуан, Салги, Бишт, В. Алкун и др.

По могильному инвентарю, встречающему многочисленные аналогии в материале, известном из могильников Северной Осетии, эти памятники датируются VI—X вв. н. э.

В настоящее время имеются все основания весь этот широкий круг памятников эпохи VI—XI вв. н. э. связывать с аланскими племенами; их бытование именно в центральной части Северного Кавказа, включая и Ингушию, в эпоху раннего средневековья подтверждается рядом исторических источников и данными языкознания⁶.

Племена эти, позднее известные в русских летописях под именем «ясов», а в грузинских хрониках—«осов» или осетин, относятся к иранской группе языков Кавказа⁷.

III

Начиная с XII—XIII вв. вплоть до XVII—XVIII вв. в Ингушии возникают многочисленные археологические объекты, уже непосредственно

¹ См. ОАК за 1887—1888 гг., раскопки Бобринского в б. Грозненском округе. «Записки Чеч.-Инг. ин-та истории и языка», 1938, в. I, стр. 9.

² Л. П. Семенов—Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928—1929 гг., 1930, т. II—III, стр. 384—385. Б. Б. Пиотровский—Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. «Сообщения ГАИМК», 1931, № 6, стр. 29.

³ МАК, в. VIII; см. описание могильников у селений Чми, Балта, Архон и др.

⁴ См. газету «Терские ведомости», 1914, от 8—11 марта, № 54—56.

⁵ ОАК, 1890, стр. 87.

⁶ См. Моисей Хоренский—История Армении, пер. Эмина, 1858, стр. 121; Ю. Кулаковский—Аланы по сведениям классических и византийских писателей, «Чтения в Ист. об-ве Нестора-Летописца», Киев, 1899, кн. XVII; «Армянская география VII века», изд. Паткановым, СПб, 1877; Пфафф—Материалы для древней истории осетин. «Сборник сведений о Кавказских горах», 1870, т. IV, стр. 13; М. И. Артамонов—Очерки древней истории хазар, 1937, стр. 25—28; В. Ф. Миллер—Осетинские этюды, ч. III, стр. 71; В. И. Абаев—Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев, сб. «Язык и мышление», 1933, т. I, стр. 89.

⁷ В. Ф. Миллер—Осетинские этюды, т. III, стр. 101. Н. Я. Марр—Племенной состав населения Кавказа, 1920, стр. 13, 24, 47.

связанные с предками современного населения края—ингушами. Особенно богата ими горная полоса республики.

Объекты эти можно подразделить на три основные группы:

1. Памятники жилые и оборонительные: жилые башни—«гала», боевые башни—«воу» и укрепленные замки, в которых и до наших дней живут ингуши (рис. 1).

2. Памятники религиозные: храмы, святилища, столпообразные памятники.

3. Памятники погребальные: подземные и полуподземные склепы-камеры, каменные ящики и надземные склепы—«каши», в которых захоронение мертвых производилось вплоть до XVIII в.

Рис. 1. Жилые и боевые башни с. Хани. Горная Ингушия.

Судя по этим памятникам, территория, занимаемая ингушами в прошлом, была раза в три меньше современной. Некогда ингуши занимали только горную часть своего края.

Установившееся название народа—ингуши—сравнительно недавнего происхождения. Оно дано ингушам соседями, подобно тому как несколько ранее горцам центральной части Северного Кавказа (современным осетинам) название «аланы», «осы», «ясы» было дано греками, грузинами, русскими. Насколько позволяют судить исторические справки, объединяющее название «ингуши» возникло от имени селения «Ангушт»—одного из первых плоскостных селений предков ингушей конца XVII в. Постепенно название это было перенесено соседями почти на все родоплеменные образования, некогда известные под именами кистов, джерахов, галгаев, цоринцев и на другие, объединенные с ними общностью языка и культуры.

Ингуши же называют себя «галгай» или «ламур», т. е. горный житель.

Одним из ранних исследователей ингушей и чеченцев А. П. Берже дано следующее подробное описание месторасположения ингушей:

1) Назрановцы—они занимают низменные места, орошаемые рр. Камбийкой, верхнею Сунжею и Назрановкою.

2) Карабулаки—они занимают равнину, орошаемую рр. Ассою, Сунжею и Фортангою.

3) Галашевцы—они живут по рр.ASSE и Сунже.

4) Джерахи—они живут по обоим берегам Макалдона.

5) Кисты—они разделяются на близких и дальних. Первые живут по ущельям Макалдона (Армхи), притока Терека, а последние—по ущельям р. Аргуна.

6) Галгаевцы—они обитают у верховьев р. Ассы и по берегам р. Тоба-чочь между кистинами, цоринцами и акинцами.

7) Цоринцы обитают в верховьях восточного истока р. Ассы.

8) Ако или Акинцы. Аулы их расположены по обоим берегам рр. Ассы и Сунжи, между галгаевцами и дальними кистами в верховьях р. Гехи, притока Сунжи»¹.

Еще в XVII в. все эти родоплеменные образования были известны соседям именно под такими названиями, а не под общим названием. Это доказывается многими документами.

В греческом письме кахетинского царя Теймураза Давидовича, адресованном Михаилу Федоровичу (1639 г.), читаем: «имеем мы другую дорогу через кистов, но та очень опасна», и далее: «я пошел и открыл дорогу через горы тушин, через пшавов, галгаев, хевсуров и кистин»².

Наименование «Галгаевской тропой» дороги, проложенной в 1832 г. войсками царской России при вторжении в земли джерахов, кистов и др., достаточно убедительно показывает, что у царизма даже в этот период не было еще четкого представления обо всех ингушских племенах, как о единой народности.

Ингушские племена во II тысячелетии н. э. претерпевали сложный этнообразующий процесс, сопровождавшийся борьбой за существование, в условиях малоземелья, перенаселенности и перестройки примитивной экономики гор—перехода от скотоводства к земледелию.

IV

По данным языкознания, антропологии и археологии, ингуши, как и чеченцы, являются одними из древнейших и коренных обитателей Кавказа. Вопрос же времени появления их на ныне занимаемой ими территории пока еще окончательно не решен.

До X—XI вв. включительно на их территории регистрируются памятники, с достаточным основанием связываемые с аланскими племенами иранской группы языков Кавказа.

С XII в. и позднее появляются памятники, тесно связанные с чечено-ингушскими племенами. По классификации Н. Я. Марра эти племена относятся к восточной группе яфетических народов Кавказа, в которую входят хевсуры, пшавы и особенно цова-тушины, или «бацби», живущие и по ту сторону Кавказского хребта³.

В ингушском и чеченском фольклоре сохранились многочисленные упоминания о грузинском происхождении отдельных родов. Очевидно,

¹ А. П. Берже—Чечня и чеченцы, Тифлис, 1859, стр. 80—82.

² «Переписка грузинских царей с российскими государями», СПб, 1861, стр. 24.

³ Н. Я. Марр—Яфетические языки. БСЭ, т. LXV, стр. 840—841; е г о ж е—Племенной состав населения Кавказа, 1920, стр. 44.

эти данные сохранились как отголоски бывшего родства предков ингушей и чеченцев с грузинскими племенами, составляющими часть большого яфетического языкового комплекса Кавказа.

Ингушские культы имеют некоторые особенности, присущие культурам, бытовавшим у отдельных грузинских племен¹.

Некоторые группы хевсур, тушин и пшавов и по сие время обнаруживают черты, общие с ингушами. Материальная культура этих народов также очень близка ингушской.

В ингушском словаре до сих пор содержатся элементы грузинского языка, которые как бы делятся на две категории. К первой относятся слова, свидетельствующие о специальной церковной форме грузинского влияния XII—XIII вв. Вторую категорию составляют такие слова, как осел, курица, ястреб, дуб, сосна, путы, тренога, миска для молока, потолочная балка, шест и др.², являющиеся как бы следами весьма древних хозяйственных и культурных взаимоотношений ингушей и грузин.

Возможно, подобных «грузинизмов» в ингушском языке было гораздо больше, но за время общения с аланами-осами они постепенно вытеснились уже осетинскими словами, которыми также богат ингушский язык.

Подобные факты можно объяснить тем, что ингуши переселились на территорию, которую они сейчас занимают, из-за Кавказского хребта, из районов, населенных языково родственными им грузинскими племенами.

Исследуя давнее и длительное влияние грузинских племен на горцев центрального Кавказа, Н. Я. Марр писал: «Не скрою, что и грузинские горцы, в числе их хевсуры и пшавы, мне сейчас представляются такими же грузинизованными племенами чеченского народа, но, не предрешая пока ничего, оценивая только фактически беспорное, необычайно глубокое влияние грузинского народа на языковую психику чеченских племен, даже тех, которые теперь разобщены с грузинами и находятся по сю сторону хребта, в плоскостной Чечне, мы не можем не наметить двух положений, во-первых, того, что появление грузин, даже картцев, в обсуждаемом районе прохода (имеется в виду Дарьяльское ущелье—*Е. К.*) надо датировать, по меньшей мере, древностью не менее десятка столетий (т. е. около X—XI вв. н. э.—*Е. К.*), во-вторых, в чеченах нельзя не видеть одного из коренных местных народов, вытеснявшихся из прохода грузинами в направлении с юга на север»³.

Крайне важно отметить, что это предположение Н. Я. Марра частично подтверждается и антропологическими данными⁴.

По преданиям горцев, населяющих Джерахское ущелье (устье р. Арм-хи при слиянии с Терекон), «настоящее чеченское племя, населяющее ущелье Джейрах, пришлое; оно, якобы, вытеснило за Терек «жившее здесь осетинское племя»⁵. Многие предания связывают основание древнейших ингушских аулов—Эгикал, Таргим, с Мецхал—с эпохой грузинской царицы Тамары (XII—XIII вв.).

Сохранившееся алано-осетинское наименование р. Арм-хи (теперь ингушской) Макалдон, а также значительные остатки осетинского словарного материала в лексике ингушей убедительно свидетельствуют о давности и глубине культурного и экономического общения этих народов.

¹ «Ингушская богиня Тушоли и Dea Syria Лукиана». «Известия Инг. н.-и. ин-та», 1935, т. IV, стр. 124—125.

² ЗКВ, 1930, т. V, стр. 740.

³ Н. Я. Марр—К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. «Изв. АН», 1916, № 15, стр. 1395—1396, 1403.

⁴ В. В. Бунак—Антропологическое изучение чечено-ингушского народа. Газета «Грозненский рабочий» от 5 июля 1935 г.

⁵ ОАК, 1890, стр. 95—96.

Самый характер этого словарного материала (арба, удалец, седло, плуг, каменный мешок в башне для пленных, убийца, раб и т. п.)¹ чрезвычайно показателен для характеристики взаимоотношений в эпоху позднего средневековья ингушей и осетин, схожих меж собой по своему социально-экономическому облику.

XII и последующие века характеризуются некоторой вспышкой грузинского влияния на ингушей, но уже ограниченного узко церковной сферой. Доказательством этого служат памятники грузинской церковной архитектуры XII в. н. э., как «Тхаба-ерды», «Алби-ерды», расположенные в Ассинском ущелье—колыбели ингушской культуры. На усиление грузинского влияния в этот период указывают также специфический словарный материал и отдельные эпиграфические фрагменты².

Позднейшие образцы ингушской материальной культуры—особый тип изящных боевых башен со ступенчатой крышей, женский парадный головной убор («курхарс») женские серебряные височные кольца (близкие к славянским семилопастным) и др.—являются выражением сугубо индивидуальных особенностей Ингушии. Эти характерные черты не встречаются, например, в Северной Осетии. Нет

оснований искать истоки особенностей ингушской материальной культуры и в более ранних памятниках эпохи раннего средневековья.

Все эти факты и доводы позволяют считать появление ингушских племен на Северном Кавказе в самом начале II тысячелетия н. э. наиболее вероятным³.

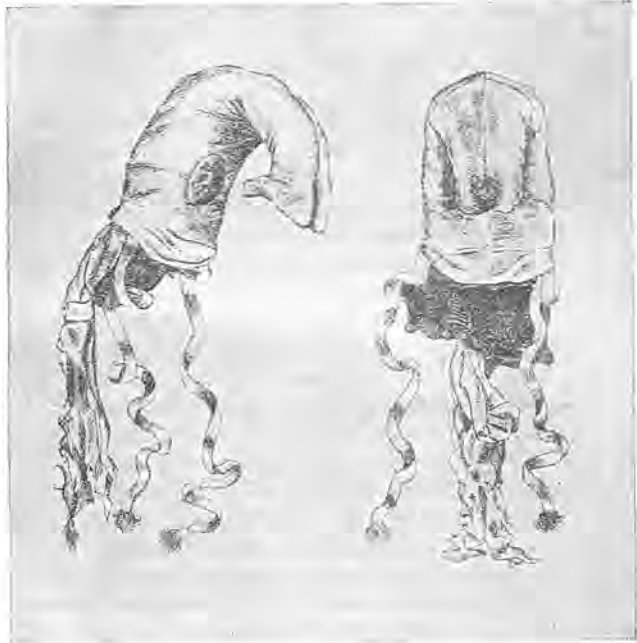

Рис. 2. «Курхарс»—парадный женский головной убор. Из надземного склепа XV—XVII вв.

¹ ЗКВ, 1930, т. V, стр. 715—718.

² МАК, в. I, «Известия Инг. ин-та», Владикавказ, 1930, т. II—III, стр. 387.

³ Этого положения не меняют и ссылки на «Армянскую географию VII века» (пер. Патканова), где перечисляются племена, населявшие Азиатскую Сарматю (среди них упоминаются кусты или кисты—ингушские племена, хорошо известные грузинским авторам): Во-первых, ни одно из перечисленных племен, за исключением маскутов, не определяется точно географически, а во-вторых, в перечне 53 народов упоминаются как северо-, так и южнокавказские народы, как апхазы, хебуры, двалы, туши, каспы и ширваны.

В специальной литературе имеются сведения об обратном движении ингушей в Закавказье, якобы происходившем в эпоху XIV—XVI вв. и позднее.

Но эти факты не меняют основной картины, ибо они свидетельствуют обычно только о переселении одного-двух родов, а не всей народности в целом. Это лишь подтверждает древнейшие связи отдельных ингушских родов с родами бабши и другими народностями, позволявшие ингушам рассчитывать на их гостеприимство.

V

С древнейших времен до переселения на плоскость главным занятием ингушей в горной полосе было скотоводство. В связи с недостатком пастбищ и сенокосных участков здесь разводился преимущественно мелкий рогатый скот; он менее прихотлив и не требует больших запасов кормов на зиму. На протяжении столетий мелкий рогатый скот удовлетворял потребности натурального хозяйства горца: он давал мясо, молоко для сыра, шерсть и кожу для одежды и обуви.

Даже в XIX в., когда установившаяся связь с городом, казалось бы, могла стимулировать развитие крупного животноводства, положение не изменилось. Статистика 1865 г. показывает, что в среднем на одно хозяйство ингуша приходилось: 21 овца, 0,5 лошади, 0,4 осла, 1 бык и 3 коровы с телятами¹.

Вследствие ограниченного количества земли, удобной для обработки, земледелие в горах до последнего времени было примитивным и не получило широкого развития. Урожай с крохотных, нередко искусственно созданных участков посевной площади обеспечивали население хлебом на срок 2—6 месяцев. Земельный вопрос являлся основной проблемой для всех горцев Северного Кавказа, и особенно ингушей, вплоть до Великой Октябрьской революции.

В конце XIX в. в горах Ингушии на 1 душу мужского пола в среднем приходилось 1,8 десятины земли, включая голые скалы, осыпи и леса.

С переселением ингушей на плоскость (XVIII—XIX вв.) земледелие становится основным и главным занятием населения. Но даже на плоскости в дореволюционные годы ингушские земельные нормы были наименьшими, по сравнению со средними нормами других горцев. У живущих на плоскости ингушей на 1 мужчину приходилось до 4,5 десятины земли, при 5,3 десятины у осетин и 8,37 десятины у кабардинцев.

У горных ингушей, на основе «трудового начала» обработки земли и в строгом соответствии с изменением формы семьи, пашни и сенокосные участки перешли в подворно-наследственное владение. У ингушей же, живущих на плоскости до советизации края вся земля находилась в общинно-передельном пользовании (территориальной или сельской общины).

По ряду данных, охота также играла существенную роль в хозяйстве горца.

Техника отдельных производств ингушей до конца XIX в. оставалась чрезвычайно низкой. Даже по обработке шерсти, являвшейся наиболее распространенным видом производственной деятельности всех горцев, ингуши занимали 8-е место среди прочих народностей Северного Кавказа, оставляя позади себя только караногайцев, калмыков и туркмен². Различные производства, распространенные у ингушей, как обувное, шорное, мукомольное и др., обслуживали преимущественно потребности отдельных родов, позднее—больших семей. Поэтому правильнее производство ингушей считать домашним, где значительная доля труда ложилась на плечи женщин.

Ремесло в ингушском обществе еще не отделилось от основных отраслей хозяйства. Даже кузнецы и лучшие мастера—строители боевых башен (широко известные своим искусством в Чечне и даже в Осетии)—не были оторваны от скотоводства и земледелия, и их производственная деятельность носила сезонный характер.

¹ «Сборник сведений о Кавказских горцах», 1870, в. III, стр. 9.

² О. В. М а р г г р а ф—Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, М., 1882, стр. 3.

Ингушское хозяйство с давних пор имело натурально-потребительский характер. Низкий уровень производительных сил, отсутствие дорог, облегчавших установление оживленных хозяйственных связей внутри и вне страны, длительное окружение более сильными соседями делали невозможным широкий обмен в древности. В ингушских преданиях сохранилось множество указаний на взаимоотношения ингушей с более сильными соседями (песня о Гази-мальчике, предание о Кэрцхале, легенда о Соска-Солса и др.). Документы XVIII в. прямо говорят о дани, которую ингуши платили кабардинцам в прошлом¹.

Только в период XIV—XVII вв., судя по фольклору и археологическому материалу из надземных склепов, некоторые ингушские племена установили экономические связи с соседними обществами—Дагестаном, Грузией, Кабардой.

VI

Сохранившиеся письменные источники знакомят нас не с начальным моментом истории ингушей, а с общественными явлениями, наблюдаемыми в ингушском обществе в конце XVIII и начале XIX в. Судить об общественных отношениях ингушей в более ранние периоды истории мы можем лишь на основании фольклорного материала, народного эпоса и адата (народное право).

Такой обычай, как «барч» (обязательный подарок в виде оседланного коня юноше, достигшему совершеннолетия, его дядей по матери), сохранившийся у ингушей, связан с глубокой древностью. По адату, племянник имел право безнаказанно выкрасть коня у дяди, если тот отказывался подарить его. У ингушей новорожденного впервые укладывают в люльку в торжественной обстановке только родственники с материнской стороны. Наряду со счетом родни по отцу ведется счет и по «матери матери», т. е. роду бабушки с материнской стороны; эти родственники пользуются особым вниманием ингуша². Запрещение браков внутри рода (экзогамия) у ингушей узаконено адатом.

Эти отрывочные сведения о пережитках, сохранившихся у ингушей, дают основание для вывода, что ингуши прошли некогда изначальную стадию родовой организации, стадию материнского рода. Очевидно, они прошли эту стадию где-то в Закавказье, еще до переселения на Северный Кавказ, одновременно с кругом других яфетических родовых групп—пшавов, тушин, хевсур.

В ингушском фольклоре находим отрывочные сведения о коллективной собственности, коллективном труде и потреблении. Они позволяют сделать вывод, что некогда ингуши жили крупными родовыми общинами и управлялись выборными старшинами на основании народных правовых норм—адата.

До последнего времени горные ингушские аулы Шуан, Озиде, Салги, Фуртоуг и др. были заселены представителями не более двух родов («тайпов»). В дальнейшем, с развитием производительных сил, с ростом скотоводства и повышением удельного веса земледелия ингушская родовая организация превратилась в типичную патриархальную семейную общину или большую семью. Такая семья, также совместно владевшая средствами производства, состояла из нескольких поколений, живших в одном доме; хозяйством руководил глава семьи³.

¹ «Акты Кавказской Археографической комиссии», т. I, стр. 86, т. IV, стр. 891—897.

² Н. Ф. Яковлев а—Ингуши, 1925, стр. 44.

³ Н. Дубровин—История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, стр. 376.

Н. Н. Харузин еще в 1886 г. в ауле Койрахе зарегистрировал двор; населенный 27 родственниками. До последнего времени можно было еще встретить в горных аулах «большие семьи», состоявшие из отца и 2—3 женатых сыновей с детьми, имевших общее хозяйство.

Выделение малой семьи с парцеллярным хозяйством у ингушей—явление сравнительно позднего времени (XIX в.). Оно наблюдалось преимущественно на плоскости, где население было больше втянуто в общественно-экономическую жизнь края и раньше подверглось влиянию городского товарного хозяйства.

Выделением малой семьи заканчивается круг развития ингушской родовой организации.

VII

В литературе до самого последнего времени не было единого мнения по вопросу об общественном строе ингушей. В старой литературе господствовала точка зрения «родовиков»¹. Совсем еще недавно стали появляться бездоказательные утверждения о том, что «Ингушия прошла и через феодальные отношения»². Правильный анализ общественных отношений ингушей недавнего прошлого, мне кажется, сделан двумя авторами: проф. Н. Ф. Яковлевым в его популярном очерке «Ингуши» и А. Вартапетовым в работе «Проблемы родового строя ингушей и чеченцев»³. Эти авторы установили, что «социально-экономический строй ингушей не является примером чистоты патриархально-родовых отношений; налицо были все моменты начавшегося распада».

Археологический материал ранних ингушских памятников горной полосы (XII—XIII вв.) рисует более или менее однородную картину имущественного положения погребенных в коллективных склепах-усыпальницах, принадлежавших роду («тайпу»). Структура общества и взаимоотношения членов родовой организации этого периода, судя по данным фольклора, были, повидимому, близки к «сербской задруге»⁴.

Могильный же инвентарь из надземных склепов XIV—XVIII вв. указывает уже на имущественное неравенство в ингушском обществе. Встречаются привозное красное сукно, шелк, многочисленные серебряные украшения (женские височные кольца)⁵ (рис. 3) (родины их, очевидно, был Дагестан) и другие предметы роскоши. В этих склепах нередко попадаются оригинальные головные уборы «курхарс», которые, по преданию, носили богатые женщины.

В эту эпоху, в обстановке участвовавших родоплеменных столкновений, происходят обособление более мощных родовых групп и дробление их на множество фамилий—«неков».

Устанавливаются более или менее прочные связи с Грузией, Кабардой, Дагестаном, позднее—Россией, что способствует укреплению мощи возвышающихся «лучших» фамилий. Нередки случаи не только насильственного, но и добровольного подчинения слабой фамилии сильной для защиты от других. Так, например, род Гу, хотя и добровольно переселился на территорию рода Салгиевых, тем не менее считался «лаем» (т. е. рабом)

¹ Взгляд этот сохранился до наших дней. См. работу М. Л. Тусикова—Ингушетия, Владикавказ, 1926, стр. 19—20.

² Г. К. Мартиросян—История Ингушии, Орджоникидзе, 1933, стр. 28.

³ Н. Ф. Яковлев—Ингуши, 1925; А. Вартапетов—Проблемы родового строя ингушей и чеченцев. «Советская этнография», 1938, № 4.

⁴ У. Лаудаев—Чеченское племя. «Сборник сведений о Кавказских горах», в. VI, стр. 25.

⁵ Височные кольца очень близки по типу вятическим семилопастным. См. об их происхождении в работе А. В. Арциховского—Курганы вятичей, 1930, стр. 47—48.

последних. Упоминаниями о богатых и бедных родах пестрят народные предания этого времени.

Очень рано выделилась мощная племенная группа родов из Галгаче (галгаи), занимавшая центральное место в горной Ингушии, богатое отличными пастбищами и пахотными участками. Владея входом в ущелье, галгаи брали дань со всех проезжающих и прогонявших скот через их земли.

В силу социально-экономической значимости галгаев, постепенно их имя было перенесено и на другие группы родов. За убийство галгаи платили большее количество скота, чем, например, за убийство фяппинца.

В народном эпосе сохранились свидетельства о роли вождей некоторых ингушских племенных групп. Так, например, мнимый родоначальник Джераховцев Джерахмат имел право держать холопов и брать подати с жителей. «Грузинский царь Ираклий (XVII—XVIII вв.) принимал одного из потомков Таги (кистинского старшину—Е. К.) с большим уважением и почестями»¹.

Старшины некоторых ингушских племен, «будучи избираемы из богатейших родов и по причине частого повторения выборов из тех же семейств обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно»².

Наряду с перечисленными явлениями этот период характеризуется обострением кровной мести, учащением военных столкновений и усилением строительства боевых башен, почитанием предков и прочими чертами, присущими последней стадии упадка родового строя.

Распад родового строя у ингушских племен характеризовался также наличием патриархального рабства—института домашних рабов, «лаев». Источниками рабства являлись войны, неурожай, приводившие к продаже в рабство членов семьи, экономическая зависимость обедневшей семьи от сильной и ряд других причин. Но степень развития ингушского хозяйства и общественных отношений не стимулировала рабства и значительного применения рабского труда в хозяйстве. У ингушей раб нередко принимался в члены того рода, на который он работал. По горской летописи 1868 г., по указу русского правительства, в Чеченском и Ингушском округах было освобождено всего 294 раба³.

Такие факты, как имущественное неравенство, накопление богатств в руках отдельных фамилий, рабство, установление с соседними классовыми обществами более прочных связей, появление частной собственности на землю и скот, обособление старшин, власть которых нередко передается уже по наследству, выделение вождей, пользовавшихся весьма значительными правами, говорят о том, что ингушское общество к XIX в. находилось накануне образования классового общества.⁴ Документы этого периода

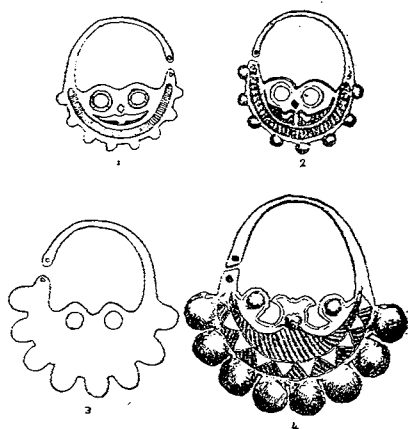

Рис. 3. Серебряные и бронзовые женские височные кольца из надземных склепов Горной Ингушии (XV—XVII вв.) (из материалов исследований Л. П. Семенова 1925—1930 гг.). 1) с. Эгикал (серебро); 2) с. Эрзи (бронза); 3) Горная Ингушия (бронза); 4) с. Пялинг (серебро).

¹ Ч. А х р и е в—Ингуши. «Сборник сведений о Кавказских горцах», 1875, вып. VIII.

² С. Б р о н е в с к и й—Известия о Кавказе, М., 1823, ч. II, стр. 164.

³ «Сборник сведений о Кавказских горцах», 1868, в. I, стр. 43.

пестрят упоминаниями о «лучших», «благородных» и «почетнейших» фамилиях ингушей. Народная память сохранила нам рассказ о неудачных попытках одного из «лучших» людей, Ивизда Газда, сделаться князем¹.

В 1769 г. ингуши переходят в российское подданство, видя в этом гарантию от притеснения кабардинцев, и попадают под иго царского самодержавия. Налоги и повинности, до сих пор не знакомые ингушам, насильственное размещение большими селениями на плоскости для удобства наблюдения, принудительное распространение христианства—все эти меры, применявшиеся царским правительством, вызывали сильное возмущение среди ингушского трудового народа.

Ингуши частично принимали участие и в движении Шамиля. Они оказали сопротивление отряду князя Абхазова в 1830 г. и барону Розену в 1832 г.; они участвовали в крупном назранском восстании 1858 г., жестоко подавленном царизмом. В результате этих событий многие горные аулы ингушей были уничтожены, на месте селений на плоскости основаны казачьи станицы, а некоторые племена ингушей, как карабулаки, выселены в Турцию (1865 г.).

Завоевание Кавказа превратило Ингушию в колонию царской России. В дальнейшем, до Октябрьской революции, развитие ингушского общества протекало уже в сфере капиталистических влияний.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила ингушский народ, поставила его на путь национального возрождения и строительства бесклассового социалистического общества в дружеской семье народов СССР.

¹ «Терский сборник», 1893, в. 2, стр. 99.

